

1.

Литератору, привыкшему строить оценочные суждения вокруг явлений современной поэзии, о таких стихах говорить трудно — они слишком просты по форме и слишком «крупны» по содержанию.

Просты? Асламбек Тугузов в совершенстве владеет всем арсеналом русской силлаботоники, какой она доросла до начала двадцатого века. Никогда ни единой, даже нарочитой, погрешности против ритма, ни единой попытки поиграть ударениями или паузами, поэкспериментировать с рифмами. Максимум, что в этом смысле он позволяет себе, — почти произвольные анжамбеманы-переносы на стыке строк:

И кажется, что ничего не болит,
Что счастье — да вот оно, рядом сидит,
И смотрит большими глазами,
И что-то читает губами
По памяти...

Или — если о рифмах: «погрущу» — «покрошу», «достать» — «асфальт», «дрябло» — «яблонь», «вечен» — «подвешен»... Это, пожалуй, максимальная вольность, которую дотошный аналитик версификаций обнаружит в стихах Асламбека Тугузова. Формально у него всё всегда до предела точно, всякий шар ложится в лузу, словно заранее для него приготовленную. И приготовленную — очень давно. Так и слышу сердитый возглас поборника необходимой для поэзии двадцать первого века возрастающей «новизны»: Тугузов пишет так, как будто до него не было ни Маяковского, ни Сельвинского, ни Вознесенского, ни тем более — Бродского... Эти стихи лишены «филологической избыточности», на которую обычно реагирует воспитанный в духе постмодернистских ожиданий читательский слух.

Но как только мы отказываемся от этих ожиданий и освобождаем восприятие для даровой, не отягощённой новаторскими поползновениями лирической красоты — энергия огромной силы приподнимает нас над землёй. Потому что содержание, смысловый объём стихов Асламбека Тугузова — значительны и масштабны. Причём

этот масштаб, эта «крупность» — не от стремления предстать «крупным», хотя бы самому себе в собственных поэтических грёзах: в этом грехе Тугузова заподозрить невозможно. Его поэзия — серьёзна от самого первого посыла, от корней. Серьёзна и необратима, как пламя, в котором форма бесследно сгорает, становится незаметна и удерживает на себе мысль, образ, метафору, как удерживает отражение не видимая зрителю чистейшая зеркальная поверхность.

2.

Вот ведь парадокс: начинаешь рассуждать о стихах, по форме вроде бы совсем не модных, — и тут же ввязываешься в бой с целым роем прогрессивных знатоков и ценителей.

Читаю недавно о стихотворении молодой «актуальной» писательницы: ах, как замечательно она «всё снижает». Отлично! Значит, главное в современной поэзии — как можно основательнее «всё снижать»?

Так вот, у Тугузова — наоборот. Вопреки уже устоявшимся художественным канонам, он постоянно и настойчиво *поднимает* читателя до той планки духовного зрения, до которой дотянулся сам. А планка установлена высоко. Лирический герой Асламбека Тугузова — рыцарь-паладин духовного пути, или, говоря языком ислама, мюрид на дороге к истине. Не зря читатели уже усмотрели в образной системе его поэзии ростки суфизма. Да, конечно, влияние суфизма, самой прекрасной и привлекательной ветви ислама, у Тугузова очевидно: погружаясь в его лирическую стихию, читатель всё время чувствует абсолютную вертикаль бытия, увенчанную мудрым замыслом Творца, которая, как несгибаемый алмазный позвоночник, несёт на себе ускользающе малую — с точки зрения вечности — жизнь смертного человека. При этом герой Тугузова отнюдь не по облакам шествует. Его судьба — война, разруха, смерть, боль, бесконечные утраты. Ему пришлось пережить беды, на которые столь щедрым оказалось роковое порубежье тысячелетий. Но испытания, выпавшие на его долю,

ведут не к отрицанию Бога и мира, а к приятию основ жизни, не к «снижению», а к возвышению «твари Божией» — к смирению перед Абсолютом, к прощению врагов и согласию с мирозданием.

Надо жить, увеличив в разы
Жизнелюбия стойкое пламя.
В эти светлые дни уразы
Я хочу разговеться с врагами.

Я хочу их понять и простить,
Потому что я тоже не вечен,
Потому что за тонкую нить
К тем же пламенным звёздам подвешен.

Так что, если продолжать о влияниях, — придётся вспомнить и блистательную плеяду русских писателей, начиная, может быть, с Лермонтова. Помню своё детское впечатление от стихотворения «Выхожу один я на дорогу...». Такое чувство, будто поэт видел картину кавказской ночи — *сверху*. Как? Ведь то, что увидел поэт, с вершины самой высокой горы не увидишь, даже в иллюминатор самолёта, пожалуй, не увидишь... да и не было тогда самолётов... И я решила, что дар «видеть сверху» — это и есть поэтический дар. Асламбеку Тугузову способность «видеть сверху» присуща от рождения, потому что приобрести её нельзя — никакое влияние, никакое учение, никакие тренировки этого не дадут. Или ты — поэт, или — не поэт. И здесь — другой аспект вопроса, которого не могу не коснуться.

3.

Что такое дар? Как распознать в человеке дар художника, особенно художника слова? Одного желания называться поэтом — мало. Вон сколько их расплодилось за последнее время, жаждущих славы... Мало того, скольких жаждущих отметили милостями сильные мира сего! И — что? Кто из них действительно одарён, а кто ухитрился стать модным? У кого — критерии, право судить по «гамбургскому счёту»? Время, кажется, все карты спутало, все вехи снесло, все краски перемешало... И всё же.

Важнейшее качество стихов Асламбека Тугузова — глубокая, подлинная органичность, естественность. Он поёт — как птицы поют, потому что петь — их родовое свойство. Редкое по нынешним временам для писателей качество. Тем более когда речь идёт о лирике философской, о разговоре человека с чем-то высшим, нежели он сам; вернее, об осознании человеком себя как чего-то высшего, нежели он сам, и переживание этого всем своим земным, тварным, чувственным существом. Нарочно такое не придумаешь! *Это* рвётся из тебя на волю, как выдох после глубокого вдоха.

Светает. Над сумрачной бездной,
Свернув золотые шатры,
Отряды небесных созвездий
Старательно гасят костры.

А я, занесённый под самый
Мерцающий купол небес,
Смотрю, как, играя тенями,
Внизу проявляется лес

И как потихоньку, не сразу,
В папахах из льда и сурьмы,
Могучие горы Кавказа,
Как нарты, выходят из тьмы.

Дальнейшее — дело мастерства. И тут снова парадокс. Давненько не встречала я у наших русских поэтов столь чистой, внятной, празднично яркой, ироничной и опрятной русской речи, как у чеченца Асламбека Тугузова. Он — кровное дитя двух разных, порой противоречащих друг другу культур. Поэт настолько же русский, насколько чеченский. И самый воспалённый, самый сверлящий нерв его поэзии — внутренний раскол между двумя пластами фундамента, на котором зиждется весь его космос. Однако такое «движение тектонических плит» отчасти и делает эту мелодию уникальной. Наверное, какой-нибудь критик-блохоискатель, придиричливо потроша сборник Тугузова, обязательно зацепит ехидным пером пару-тройку неловкостей, оплошек и грехов по части русской грамматики. Ну и что? Бывают такие неловкости и оплошки, без которых стихотворение теряет очарование. У Лермонтова, помните? «Из пламя и света рождённое слово...» Попробуйте чем-нибудь заменить это «из пламя»! Пушкин же вообще уверял: «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Асламбек Тугузов поэтически настолько умён, что несколько не тяготится время от времени быть детски наивным, апеллировать то к состраданию читателя, то к его способности испытывать священный трепет, то к его, читателя, собственной памяти, подчас тревожащей и больной. Здесь как раз та степень творческой свободы, когда Поэт — «сам свой высший суд». Асламбек Тугузов не страшится чуть споткнуться в стремительном беге, потому что слишком хорошо знает, что дальше — полёт. Там, на вершинах, — область абсолютной свободы, последней свободы, доступной человеку. Там столько нежности, любви и печали, что становится слышно, как в каждом земном создании просыпается вечность...

Ничего не хочу, только эту волну ощущения,
Что есть некая связь между гаснущим небом и мной.
Больше красок, мой брат, больше свежести и вдохновенья,
Больше света души и надежды, надежды земной.